

II. Заграничныя впечатлѣнія русскаго лѣсничаго.

(Окончаніе ¹⁾).

Въ Мюнхенскомъ университетѣ лѣсныя науки составляютъ отдѣлъ факультета „государственныхъ знаній“, деканомъ котораго докторъ Эбермайеръ, прославившійся, между прочимъ, своими изслѣдованіями о климатическомъ вліяніи лѣса. Каѳедру лѣсоводства занимаетъ Карль Гауеръ, лѣсную таксацію читаетъ Бауръ, извѣстное сочиненіе котораго переведено и на русскій языкъ; но гордость и слава факультета—Робертъ Гартигъ, профессоръ бо-

¹⁾ См. «Лѣсной Журналъ» 1885 г. Вып. 9 и 10.

таники, создавшій цѣлую науку о растительныхъ паразитахъ и болѣзняхъ растений. Немудрено, что при такомъ составѣ профессоровъ Мюнхень сдѣлался центромъ лѣсоводственныхъ знаній, куда стремится молодежь со всѣхъ концовъ Европы.

На другой же день по приѣздѣ въ Мюнхень, я отправился къ проф. Гайеру, рассчитывая воспользоваться его совѣтами, относительно осмотра баварскихъ лѣсовъ, въ которыхъ я надѣялся главнымъ образомъ найти образцы естественнаго возобновленія. Почтенный профессоръ принялъ меня по товарищески и тѣ часы, которые я провелъ съ нимъ въ задушевной просвѣщенной бесѣдѣ, никогда не изгладятся изъ моей памяти! Профессоръ высказалъ свои мысли о современномъ положеніи лѣснаго дѣла вообще и въ Баваріи въ особенности; жаловался, что „много таксаціи“ и „мало лѣсоводства“ и явился горячимъ сторонникомъ естественнаго лѣсовозобновленія. По поводу послѣдняго онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Мы, въ Баваріи, рѣшительно переходимъ къ естественному лѣсовозобновленію по нижеслѣдующимъ соображеніямъ. Посредствомъ культуры никогда нельзя выростить лѣсъ высокихъ техническихъ качествъ, такъ какъ деревья растутъ быстро и въ недостаточной полнотѣ насажденій; нельзя возростить также вполне удачныхъ смѣшанныхъ насажденій, ибо въ концѣ концовъ, какъ видимъ на практикѣ, одна порода побѣждаетъ неизбежно остальные. Сосновыя культуры страдаютъ у насъ повсемѣстно опаденіемъ хвои (Schütte) и слѣдовательно искусственное разведеніе сосны во многихъ случаяхъ становится физически невозможнымъ. Культуры требуютъ при томъ значительно болѣе расходовъ, чѣмъ естественное лѣсовозобновленіе, которое, наоборотъ, требуетъ немного денегъ, но много знанія и труда. Къ чему намъ нужны лѣсничіе съ университетскимъ образованіемъ, если мы введемъ сплошныя культуры върубокъ, что съ успѣхомъ могутъ исполнять привычныя рабочіе? Наконецъ, придерживаясь естественнаго лѣсовозобновленія, мы слѣдуемъ природѣ, а это вѣрнѣйшій залогъ сбереженія нашихъ лѣсовъ. Но, чтобы достигнуть успѣшныхъ результатовъ, мы должны отказаться отъ прежнихъ традицій, въ родѣ облѣсенія путемъ оставленія сѣмянниковъ, закладки темныхъ и свѣтлыхъ лѣсосѣтъ по опредѣленнымъ правиламъ и т. д.; мы должны отказаться отъ всякихъ регламентацій и поступать именно такъ, какъ поступаетъ природа, при смѣнѣ одного насажденія другимъ. Исходя изъ этого принципа,

мы ведемъ рубку крайне медленно, постепенно, не по всему участку одновременно, а маленькими площадками, принимая во вниманіе обиліе сѣмянъ, появленіе всходовъ, опасность вѣтроваловъ и проч.; полный циклъ лѣсовозобновленія продолжается 25—40 и болѣе лѣтъ. Только этимъ путемъ мы получимъ въ результатѣ прекрасное насажденіе и воспользуемся денежной выгодой отъ „свѣтоваго“ прироста (Lichtungszuwachs, — иначе приростъ свободнаго стоянія), который наступаетъ въ значительныхъ размѣрахъ, послѣ перваго уже прорѣживанія“. Означенный способъ естественнаго лѣсовозобновленія профессоръ Гайеръ назвалъ Horstweise Verjüngung¹⁾. Въ заключеніе нашей бесѣды, почтенный профессоръ составилъ мнѣ программу экскурсій по лѣсамъ, въ которыхъ мнѣ предстояло воочію убѣдиться въ блестящихъ результатахъ лѣсовозобновленія въ баварскихъ лѣсахъ.

Роберту Гартигу на видѣ не болѣе 45 лѣтъ. Онъ худощавъ, небольшого роста, лицо съ оттѣнкомъ южнаго типа. Знаменитый ученый удостоилъ меня чести лично показать свой обширный рабочій кабинетъ и многочисленныя коллекціи, наполняющія чуть не цѣлый этажъ. Здѣсь собраны результаты всей гигантской дѣятельности Гартига, въ видѣ обрубковъ, чертежей, картъ, микроскопическихъ препаратовъ, живыхъ и засушенныхъ частей растеній и т. п.; здѣсь же сложены цѣлыя груды „сыраго“ матеріала, еще не изслѣдованнаго, въ которомъ заключается цѣлый міръ новыхъ организмовъ, ожидающихъ своей очереди, чтобы стать достояніемъ науки. Работы Гартига не ограничиваются лишь кабинетомъ: въ его распоряженіи находится одинъ изъ внутреннихъ университетскихъ дворовъ, гдѣ въ настоящее время онъ дѣлаетъ изслѣдованія, въ особыхъ погребкахъ, надъ процессомъ разложенія, которому подвергается древесина различныхъ древесныхъ породъ въ землѣ, при различныхъ условіяхъ. Почтенный профессоръ то и дѣло опускался въ эти подземелья и вынималъ обрубки, покрытые всевозможными формами грибовъ, плѣсени. Одинъ обрубокъ, обросшій особенно многочисленными и причудливыми формами, могущій вызвать даже отвращеніе въ людяхъ „нѣжнаго“ сложенія, привелъ его въ неописанный восторгъ. „Что за великолѣпныя условія“ — не удержался воскликнуть

¹⁾ Групповымъ (котловиннымъ) возобновленіемъ.

профессоръ, старательно укладывая обратно въ яму полусгнившій обрубокъ. Благодаря профессора за оказанную мнѣ любезность и извиняясь за потерю имъ драгоценнаго времени, я выразилъ глубокое сожалѣніе, что слишкомъ старъ учиться и не могу воспользоваться величайшимъ наслажденіемъ—штудировать подъ его руководствомъ... Слѣдуетъ замѣтить, что Робертъ Гартигъ относится въ высшей степени внимательно къ своимъ „случайнымъ“, пришлымъ ученикамъ и всегда готовъ руководить ими и оказать просвѣщенную поддержку. Онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, какое пріятное впечатлѣніе произвела на него привѣтственная телеграмма отъ членовъ послѣдняго Московскаго съѣзда и какъ онъ тронутъ былъ вниманіемъ русскихъ лѣсничихъ. До сихъ поръ онъ сожалѣетъ, что, находясь въ отсутствіи изъ Мюнхена, не могъ отвѣчать Съѣзду телеграммой и вынужденъ былъ выразить запоздалую благодарность, посредствомъ письма на имя Ф. К. Арнольда.

Согласно предложенному мнѣ проф. Гайеромъ маршруту, я прежде всего отправился въ лѣсничество Фрейзингъ, расположенное по желѣзной дорогѣ между Мюнхеномъ и Регенсбургомъ. Лѣсничество это, площадью около 1600 гектаровъ, имѣетъ суглинистую, довольно посредственнаго качества, почву; насажденія состоятъ изъ ели, съ примѣсью сосны, пихты и всѣхъ почти породъ, свойственныхъ данному климату. Оборотъ рубки 120 лѣтъ; валовый доходъ—около 50 тысячъ марокъ (около 25.000 рублей). Естественное лѣсовозобновленіе по баварскому методу является господствующей системой хозяйства. Участки, въ которыхъ начался циклъ возобновленія, съ перваго взгляда представляютъ картину неправильной, выборочной рубки; мнѣ показалось, что я очутился въ лѣсахъ Архангельской или Олонецкой губерніи. Только разобравшись въ первыхъ впечатлѣніяхъ, можно уяснить себѣ кропотливую работу лѣсничаго, приложенную къ естественнымъ силамъ природы. Единично по всему участку выбраны или выбираются засохшія, угнетенныя и всѣ поврежденныя деревья; на мѣстахъ, гдѣ, по задержности почвы или инымъ причинамъ, нельзя абсолютно ожидать облѣсенія, произведены культуры; кое гдѣ, маленькими площадками, произведено усиленное прорѣживаніе, а гдѣ засѣлъ уже молодой подростъ, тамъ прорѣживаніе произведено еще сильнѣе, оставлено лишь столько деревь, сколько нужно для поддержанія сомкнутости насажденія; кое гдѣ виднѣтся старый подростъ, оставленный пока въ видѣ защиты; есть площади совер-

шенно оголения, покрытыя густымъ, вполне надежнымъ, молодымъ лѣсомъ; въ общемъ ходѣ рубки замѣтно опредѣленное направленіе—противоположное господствующимъ вѣтрамъ; нѣкоторыя деревья отмѣчены къ оставленію на второй оборотъ. Вообще, при внимательномъ разсмотрѣніи подобныхъ участковъ, передъ Вами рельефно выступаетъ картина „дѣйствительнаго“ естественнаго лѣсовозобновленія: видны блестящіе результаты, видно дѣйствіе естественныхъ силъ природы, а правящую руку лѣсничаго только специалистъ въ состояніи подмѣтить. „Свѣтовой“ приростъ деревьевъ, въ первые же годы послѣ начала рубки, достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ. Весь циклъ возобновленія продолжается здѣсь 25-30 лѣтъ. Малѣйшая поспѣшность въ „окончательной“ рубкѣ могла бы пагубно повліять на молодой подростъ, что подтвердилось многими наблюденіями.—Въ описываемомъ лѣсничествѣ есть и сѣмянные лѣсосѣвки, результаты которыхъ далеко мѣнѣе удовлетворительны. Масса необлѣсившихся мѣсть, оставшихся на означенныхъ лѣсосѣвкахъ, культивируется посадкой *Abies Douglasii*, *Abies Nordmanniana* и *Pinus strobus*. Послѣдняя порода—Веймутова сосна—особенно предпочитается при дополненіяхъ, благодаря быстрому росту, ускоряющему сомкнутость культуры. Впрочемъ, Веймутова сосна и здѣсь подвержена раннимъ заболѣваніямъ и древесина ея весьма низкаго достоинства; ее убираютъ при первыхъ же проходныхъ рубкахъ, когда она исполнила уже, такъ сказать, связывающую функцію въ насажденіи.

Здѣшнія культуры не представляютъ интересныхъ особенностей. Питомники и школы—постоянные и очень обширные, такъ какъ саженцы разводятся въ нихъ и на продажу. Заслуживаетъ вниманія фактъ, что пересадка въ школу еловыхъ сѣянцевъ производится исключительно въ однолѣтнемъ возрастѣ, что значительно дешевле; я видѣлъ въ школѣ 3-лѣтніе еловые саженцы, изъ которыхъ одна половина высажена изъ питомника въ однолѣтнемъ а другая—въ двухлѣтнемъ возрастѣ: первые въ 1 $\frac{1}{2}$ раза выше послѣднихъ и лучше развиты. Профессоръ Гартигъ производитъ здѣсь опыты надъ опаденіемъ хвои у сосны (*Schütte*). Практическихъ результатовъ эти опыты пока не представляютъ. Достоинно вниманія, что сосна, сѣмена коей выписаны изъ Сибири, на второй же годъ подверглась этой болѣзни. Очень удачныя посадки ели произведены на пластахъ, приготовленныхъ за годъ до культивированія. Посадка означеннымъ способомъ обходится по 8 марокъ (около

4 руб.) во 1000 сеженцевъ (2-3 лѣтн.), при чемъ мужской рабочей приготавливаетъ въ день 300 пластовъ, а женщина высаживаетъ 600 сеженцевъ.

Рядомъ съ вышепоименованнымъ лѣсничествомъ находится лѣсничество *Кронбергъ*, экономическія и лѣсоводственныя условія котораго почти тождественны съ первымъ.—Въ немъ заслуживаютъ вниманія лишь *ивовыя плантаціи*, заложенныя сравнительно недавно, на земельномъ участкѣ (бывшей пашнѣ), купленномъ для этой цѣли казною у частныхъ лицъ. Означенныя плантаціи вызваны мѣстною потребностью въ ивовыхъ прутьяхъ на плетеніе, каковой промыселъ до настоящаго времени сосредоточенъ былъ главнымъ образомъ въ Вюртембергѣ. Культура ивы произведена пока на 4 гектарахъ, при чемъ посажены слѣдующіе виды: *Salix purpurea gracilis*, *S. viminalis purpurea* и *S. viminalis regalis*. Коля выписаны изъ Вюртемберга, по 4 марки за 1000 штукъ. Очень дорого стоитъ первоначальное сплошное, глубокое взрыхленіе почвы; посадка же, разумѣется, не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Оборота рубки 1-лѣтній, доходъ ожидается весьма значительный.—Въ этомъ же лѣсничествѣ находится громаднѣйшій ивовый питомникъ, устроенный профессоромъ Гартигомъ, въ которомъ собраны *все* извѣстныя до сихъ поръ виды ивы. Лицамъ, желающимъ специально ознакомиться съ культурой и ивовымъ хозяйствомъ, лѣсничество *Кронбергъ* дастъ много интересныхъ матеріаловъ. Такую полную коллекцію ивы едва ли гдѣ можно встрѣтить въ Европѣ.

По возвращеніи въ Мюнхень, мнѣ удалось присутствовать на ученомъ торжествѣ, которое даже въ Германіи имѣетъ мѣсто довольно рѣдко. Нѣкто г. Хлорсъ, грекъ, директоръ казенныхъ лѣсовъ въ Аѳинахъ, долженъ былъ защищать тезисы и сказать рѣчь на полученіе степени доктора лѣсныхъ наукъ. Въ назначенный часъ я явился въ актовую залу университета и съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала торжества, представлявшаго для меня интересъ новизны, и по внѣшнимъ формамъ, и по внутреннему содержанию, и, между прочимъ, по личности самаго докторанта. Въ глубинѣ залы, у задней стѣны, помѣщалась очень возвышенная кафедра, а у ея подножія—трибуна докторанта; у той же стѣны—нѣсколько въ сторонѣ—кафедра меньшихъ размѣровъ; вдоль боковыхъ стѣнъ—скамейки для гг. профессоровъ. Вотъ

открылась дверь и, одинъ за другимъ, въ длинныхъ черныхъ тогахъ, вышли трое официальныхъ оппонентовъ и заняли мѣста по правой сторонѣ трибуны. То были профессора Гартигъ, Гайеръ и Бауръ. Я не могъ не улыбнуться ихъ театральному облаченію, но могу увѣрить читателя, что это была первая и послѣдняя улыбка, хотя вся послѣдующая церемонія въ состояніи была легко шокировать нашъ славянскій реализмъ. Дверь отворилась вторично и, предшествуемый двумя приставами съ какими то жезлами въ рукахъ, появился деканъ—проф. Эбермайеръ, въ черной же тогѣ, но оттороченной горностаемъ, и возшелъ на среднюю кафедру. Спустя нѣкоторое время, съ такими же почестями, вступилъ въ залу ректоръ университета, одѣтый въ мантию изъ краснаго бархата, оттороченную горностаемъ; ректоръ помѣстился на боковой кафедрѣ. Наконецъ, также предшествуемый приставами, вошелъ докторантъ, блѣдный, взволнованный и неровными шагами поднялся на трибуну, сдѣлавъ предварительно низкій поклонъ ректору, декану, оппонентамъ и публикѣ. Я съ любопытствомъ взглянулъ на будущаго доктора, который оказался уже человѣкомъ почтенныхъ лѣтъ, что, въ связи съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, которое онъ занимаетъ на родинѣ, еще болѣе увеличило интересъ къ этому греку.

Когда всѣ участвующіе заняли свои мѣста, деканъ прочиталъ краткую біографію докторанта, изъ которой оказывается, между прочимъ, что г. Хлоросъ кончилъ курсъ наукъ въ Мюнхенскомъ университетѣ и состоитъ въ настоящее время директоромъ казенныхъ лѣсовъ въ Афинахъ. Затѣмъ докторантъ началъ свою рѣчь—о лѣсоводствѣ и древоводствѣ въ древней Греціи, состоящую почти на половину изъ цитатъ древнихъ авторовъ. Рѣчь продолжалась около часа, послѣ чего приступлено къ обсужденію тезисовъ, напечатанныхъ отдѣльными листками, которые розданы были всѣмъ присутствующимъ еще до открытія засѣданія. Тезисы эти относились къ разнымъ вопросамъ современнаго государственнаго лѣснаго хозяйства въ Греціи и не представляли въ научномъ отношеніи общаго интереса. Возраженія оппонентовъ имѣли чисто формальный характеръ. По поводу одного изъ тезисовъ—что сдирка коры въ лѣсахъ Греціи не оказываетъ особаго вліянія на ростъ деревь—проф. Гартигъ не безъ ироніи замѣтилъ, что почтенный докторантъ не замедлитъ вѣроятно подѣлиться съ университетомъ данными по столь важному вопросу, до сихъ поръ еще не разрѣшен-

ному наукой. По окончаніи всѣхъ формальностей «оппонированія», деканъ предложилъ докторанту, отъ имени факультета, испросить разрѣшеніе ректора на присужденіе ученой степени. Снова появились пристава съ жезлами, въ сопровожденіи которыхъ взволнованный г. Хлорсъ подошелъ къ ректору. Старикъ—ректоръ привсталъ съ своего мѣста, простеръ руки надъ преклонившимъ голову докторантомъ и съ какимъ то особеннымъ добродушно-торжественнымъ тономъ произнесъ: „благословляю и разрѣшаю; радуюсь, что изъ далекой страны явились къ намъ искать знаній; дай Богъ, чтобы пріобрѣтенныя знанія принесли пользу Вашей прекрасной родинѣ“. Затѣмъ, слѣдуя древнему университетскому обычаю, растроганный ректоръ обнялъ и поцѣловалъ своего новаго коллегу. Когда послѣдній, съ тѣми же церемоніями, возвратился на трибуну, поднялся съ мѣста деканъ, а за нимъ и всѣ присутствующіе. Наступилъ моментъ „провозглашенія“. Громкимъ голосомъ проф. Эбермайеръ объявилъ, что г. Хлорсъ, по постановленію факультета, съ разрѣшенія ректора и именемъ президента Сената Университета, Короля Людовика II-го, провозглашается докторомъ государственныхъ знаній. Начались общія поздравленія. Новый докторъ ничего не могъ говорить отъ волненія и лишь растерянно кланялся во всѣ стороны. „Ученое“ торжество кончилось.

Въ тотъ же день я простился съ Мюнхеномъ, съ его художественными, классическими зданіями и симпатичнымъ населеніемъ. По правдѣ говоря, Мюнхенъ—городъ скучноватый и туристы недолго въ немъ останавливаются; но онъ имѣетъ одно неоспоримое достоинство—дешевизну жизни. Изъ Мюнхена, слѣдуя указаніямъ проф. Гайера, я направился въ городъ Пассау, въ окрестностяхъ котораго, какъ увѣрилъ меня знаменитый лѣсоводъ, я увижу верхъ совершенства естественнаго возобновленія еловыхъ лѣсонасажденій. Пассау расположенъ въ великолѣпной мѣстности, при впаденіи Инна въ Дунай, почти на самой границѣ съ Австріей; это городокъ небольшой, хотя служитъ резиденціей архіепископа и имѣетъ крѣпость, которая обращена впрочемъ нынѣ въ военную тюрьму.

Лѣсничество Пассау расположено въ долинѣ Дуная и занимаетъ площадь около 2000 гектаровъ. Почва суглинистая, достаточно наземная; господствующія породы—ель и пихта, съ при-

мѣсю сосны, бука, дуба и др. Естественное лѣсовозобновленіе, посредствомъ медленныхъ, постепенныхъ рубокъ, производится здѣсь давно, принесло блестящіе результаты, но въ техническомъ отношеніи не представляетъ никакихъ выдающихся особенностей. Крайне медленная и, такъ сказать, крайне осторожная выборочная рубка, при томъ одновременно не по всему участку, а небольшими отдѣльными площадками и возможно продолжительное оставленіе молодыхъ всходовъ подъ защитой стараго насажденія,— вотъ главнѣйшія основанія баварской системы естественнаго возобновленія. Изъ нѣкоторыхъ частныхъ, замѣченныхъ здѣсь мною, можно указать на слѣдующія: а) на моховыхъ, сырыхъ мѣстахъ рубка производится нѣсколько ранѣе и усиленнѣе, чтобы дать почвѣ осѣсть и слѣдовательно сдѣлать ее удобнѣе для принятія и развитія сѣмянъ; б) на задернѣлыхъ мѣстахъ почву взмотыживаютъ при наступленіи сѣмяннаго года; в) старый, негодный подростъ временно оставляется для защиты почвы и поддержанія въ ней влажности; г) валка деревьевъ при окончательной рубкѣ очень мало вредитъ молодому подросту; года черезъ два нельзя уже найти ни малѣйшихъ слѣдовъ поврежденія. Естественное возобновленіе такимъ же способомъ имѣетъ мѣсто въ букowychъ насажденіяхъ, съ превосходными результатами, хотя букъ возобновляется до крайности медленно. „Свѣтовой“ приростъ достигаетъ изумительной величины: въ одномъ изъ видѣнныхъ мною участковъ, въ которомъ процессъ возобновленія длился уже около 20 лѣтъ, приростъ за послѣдніе 15 лѣтъ, судя по толщинѣ годовичныхъ слоевъ, увеличился вдвое. Вообще баварская система естественнаго возобновленія производитъ на специалиста сильнѣйшее впечатлѣніе, въ особенности въ такомъ лѣсничествѣ, какъ Пассау, гдѣ можно наблюдать это возобновленіе во всѣхъ фазахъ, начиная отъ первоначальнаго еле замѣтнаго прорѣживанія и кончая участками, покрытыми полнымъ здоровымъ молодымъ подростомъ, среди котораго лишь единично высѣются стройныя деревья, оставленныя на второй оборотъ. Къ сожалѣнію, означенная система-зидается на такомъ фундаментѣ, на которомъ не могли удержаться многія дѣла рукъ человѣческихъ: на довѣрїи. По крайней мѣрѣ четверть вѣка лѣсничій распоряжается самостоятельно въ данномъ насажденіи и окончательные результаты сказываются болѣею частью тогда, когда отвѣтчикъ покончилъ всѣ уже счеты, не только съ лѣснымъ дѣломъ, но и съ симъ міромъ браннымъ.

Увеличеніе естественнымъ возобновленіемъ имѣло послѣдствіемъ другую крайность—игнорированіе культуръ. Мѣстный лѣсничій, къ каждой почти прежней культурѣ, которыя встрѣчались намъ на пути, относился весьма неодобрительно, находилъ массу недостатковъ въ условіяхъ роста молодняковъ и техническихъ свойствахъ древесины, немислимыхъ будто-бы при облѣсеніи естественнымъ путемъ. Главный недостатокъ искусственныхъ хвойныхъ насажденій—обиліе сучьевъ и рыхлость древесины, вслѣдствіе быстрого сравнительно роста, что дѣйствительно можетъ отразиться неблагоприятно на доходности дачи, прямо зависящей отъ качества, а не количества ежегодной добычи. Сплошныя культуры въ здѣшнемъ лѣсничествѣ нынѣ не производятся; къ нимъ прибѣгаютъ лишь, какъ къ крайней мѣрѣ, для дополненія, и вообще для покрытія всѣхъ пробѣловъ, оставшихся при естественномъ возобновленіи. Исключеніе изъ этого правила составляютъ посадки дуба, которыя производятся при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя дубъ, вслѣдствіе почвенныхъ условій, прививается здѣсь очень туго и имѣетъ плохой ростъ. Достойно вниманія, что единично посаженный дубъ въ буковомъ 30 лѣтнемъ насажденіи, также возвращеннымъ искусственно, растетъ отлично, хотя почвенныя условія тѣ же, какъ и на участкахъ, гдѣ произведены сплошныя дубовыя культуры. Означенный фактъ объясняется по всей вѣроятности, измѣненіемъ этихъ условій, подъ влияніемъ вегетаціи бука.

Налюбовавшись вдоволь лѣсами и окрестностями Пассау, я сѣлъ на пароходъ, отправляющійся внизъ по Дунаю, и окончательно распростился съ Баваріей. Несмотря на то, что пароходъ уходилъ очень рано утромъ, старикъ-лѣсничій со всею семьей явился на пристань, чтобы „торжественно“ проводить меня. Я не отнесъ, конечно, это вниманіе всецѣло къ себѣ лично; это баварскій лѣсничій провожалъ русскаго лѣсничаго. Солидарность между заграничными, особенно нѣмецкими, лѣсоводами по истинѣ изумительна: достаточно визитной карточки съ прибавленіемъ „Forstmann“, чтобы найти свободный доступъ въ лѣса и радушный приемъ у лѣсничихъ отъ Вислы до Рейна, отъ Нѣмецкаго моря до Адриатическаго. Говоря о «радушномъ приемѣ», я не имѣю въ виду «приема» въ нашемъ смыслѣ, требующаго матеріальныхъ средствъ, чѣмъ большинство нѣмецкихъ лѣсничихъ не обладаетъ; я говорю о готовности ихъ все показать, объяснить, подѣлиться

всѣми свѣдѣніями, хотя бы это стоило нѣкоторыхъ лишеній и потери времени. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключеній, но могу смѣло увѣрить, что если встрѣчаются подобныя исключенія въ средѣ баварскихъ лѣсничихъ, то до крайности рѣдко.

Читателю врядъ-ли извѣстно, что съ 1 іюля нынѣшняго года традиціонное званіе лѣсничаго — Oberfoerster—болѣе не существуетъ въ Баваріи. Общая реформа лѣснаго управленія готовилась уже нѣсколько лѣтъ и въ бытность мою въ этой странѣ составляла злобу дня, весьма жгучую для лѣснаго міра, такъ какъ преобразованія предстояли радикальныя. Новая организація лѣснаго управленія, ставшая уже свершившимся фактомъ, заключается въ слѣдующемъ: Управленіе государственными лѣсами сосредоточивается въ Министерствѣ Финансовъ, при которомъ состоитъ особый лѣсной отдѣлъ, гдѣ всѣ болѣе важныя дѣла рѣшаются коллегіальнымъ порядкомъ и подлежатъ утвержденію министра. «Отдѣлъ» составляютъ: Членъ совѣта министра, въ качествѣ предсѣдателя, 4 старшихъ и 2 младшихъ лѣсныхъ совѣтниковъ (Oberforstrath и Forstrath)—члены. По общимъ вопросамъ лѣсной и охотничьей полиціи, а равно хозяйства, въ лѣсахъ общинныхъ или принадлежащихъ разнымъ учрежденіямъ, «Отдѣлъ» является техническимъ органомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ каждой губерніи находится лѣсное отдѣленіе при казенной палатѣ, во главѣ котораго стоитъ Oberforstrath и нѣсколько младшихъ совѣтниковъ; «лѣсное отдѣленіе», по вопросамъ важнымъ, является также учрежденіемъ коллегіальнымъ. Въ дѣлахъ хозяйственныхъ и техническихъ оно дѣйствуетъ самостоятельно, въ дѣлахъ финансовыхъ—подъ руководствомъ президента казенной палаты (финансовой камеры). Въ общемъ порядкѣ лѣсное отдѣленіе подчиняется и губернатору (Regierungspresident). Непосредственнымъ исполнителемъ и хозяиномъ является *форстмейстеръ*, которому ввѣряется особый лѣсной округъ (лѣсничество); въ помощь форстмейстеру назначаются лѣсные ассесоры и ассистенты. Низшій лѣсной персоналъ состоитъ изъ ферстеровъ и сторожей разныхъ ранговъ и наименованій. Денежное содержаніе опредѣлено въ весьма скромныхъ размѣрахъ для высшихъ чиновъ, но въ болѣе чѣмъ достаточныхъ—для низшихъ. Въ среднемъ выводѣ получаютъ: Президентъ лѣснаго отдѣла, т. е. первое лицо въ лѣсной администраціи королевства—7380 марокъ (по курсу около 3700 р. с.); Oberforstrath, въ должности члена отдѣла или президента лѣснаго

отдѣленія въ губерніи (нашъ управляющій и вице-инспекторъ)— 6,300 м. (3150 р. с.), Forstrath въ центральномъ или мѣстномъ управленіи — 5280 м. (2640 р. с.); форстмейстеръ — 4,080 м. (2040 р. с.); ферстеръ — 2070 м. (1035 р. с.); самаго низшаго ранга сторожъ — 703 м. (354 р.). Новая реформа преслѣдовала, главнымъ образомъ, слѣдующія цѣли: сокращеніе личнаго состава, объединеніе лѣснаго управленія съ общей администраціей и проведеніе принципа коллегіальности. Насколько новая реформа окажется прогрессивной — увидимъ въ будущемъ; но нельзя не признать, что, до ея окончательнаго осуществленія, она подвергалась всестороннимъ и продолжительнымъ обсужденіямъ въ лѣсной администраціи, въ печати и наконецъ въ законодательныхъ палатахъ. Но, какъ бы то ни было, историческій Oberfoerster исчезъ съ лица земли баварской, хотя существуетъ пока во всей остальной Германіи.

Возвращаюсь къ своему путешествію, которое быстрыми шагами приближается къ концу. Нужно проѣхать нѣсколько тысячъ верстъ по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы почувствовать всѣ удобства путешествія на пароходѣ, особенно по Дунаю, съ его прозрачными, голубыми волнами и восхитительными берегами. Пароходъ „Марія-Луиза“ въ сутки доставилъ меня въ Вѣну, не смотря на то, что ночеваль въ Линцѣ—главномъ городѣ Верхнеавстрийской провинціи. Не знаю чѣмъ объяснить это: овладѣвшимъ-ли мною страстнымъ желаніемъ скорѣе вернуться на родину, усталыми-ли нервами и притупившейся впечатлительностью, но ко всѣмъ прелестямъ красавицы Вѣны я остался совершенно равнодушнымъ. Былъ августъ—мѣсяцъ полнаго застоя въ европейской дѣятельности; высшая лѣсная школа закрыта и всѣ профессора разъѣхались. Я нашелъ только Гемпеля, профессора лѣсоводства, который лѣсное дѣло Австро-Венгерской монархіи представилъ мнѣ далеко не въ привлекательномъ видѣ, за исключеніемъ хозяйства въ частныхъ лѣсахъ, особенно въ Богеміи, гдѣ оно стремится стать на высоту современной науки. О лѣсномъ хозяйствѣ въ Галиціи профессоръ отозвался особенно иронически и предупредилъ, что я потеряю напрасно время, если вздумаю туда поѣхать съ лѣсоводственною цѣлью. Галиційское Лѣсное Общество, недавно возникшее, но проявившее уже серьезную и обширную дѣятельность, по его мнѣнію, видимо настроенному скептически къ этой странѣ, путныхъ результатовъ принести не можетъ. Про-

фессоръ Гемпель—ярый противникъ взглядовъ Гайера и рекомендуемаго имъ способа естественнаго лѣсовозобновленія, который включаетъ возможность контроля и строгаго финансоваго разсчета. Если бы ввести эту систему въ австрійскихъ казенныхъ лѣсахъ, то, по словамъ Вѣнскаго профессора, означенные лѣса пришли бы въ совершенное разстройство — плохая рекомендація лѣсничихъ обѣихъ береговъ Лейты. Въ заключеніе нашей бесѣды, профессоръ Гемпель сообщилъ мнѣ объ успѣхѣ своего лѣснаго календаря, который приносить ему въ годъ около 2000 гульденовъ чистаго дохода, съ чѣмъ я конечно отъ души поздравилъ почтеннаго ученаго. Успѣхъ—великое дѣло, хотя бы въ календаряхъ...

Обстоятельства такъ сложились, что я вынужденъ былъ торопиться домой и покончить свои странствованія по лѣсамъ, хотя предположенная программа далеко осталась невыполненной. Вотъ я опять на родной границѣ: сердце сильнѣе бьется, дышется легче; въ одну минуту забыто все, чѣмъ такъ восторгался на чужбинѣ. Странная вещь: и красы природы, и свѣтъ науки и искусствъ, и блескъ культуры,—все это сглаживается, исчезаетъ передъ картинами родной земли, порою печальными и неприглядными, не подлежащими даже сравненію съ тѣмъ, что осталось тамъ, на западѣ далекомъ; даже—осиновые лѣса и загроможденные хламомъ оголенные лѣсосѣки и тѣ кажутся привлекательными, что спеціалисту совершенно уже непростительно... Итакъ прощай Западная Европа! Ты мнѣ много дала пріятнаго и поучительнаго, но, главное, за то тебѣ спасибо, что научила еще болѣе любить и цѣнить собственное отечество.

П. Жудра.